

От Ольги до Ольги

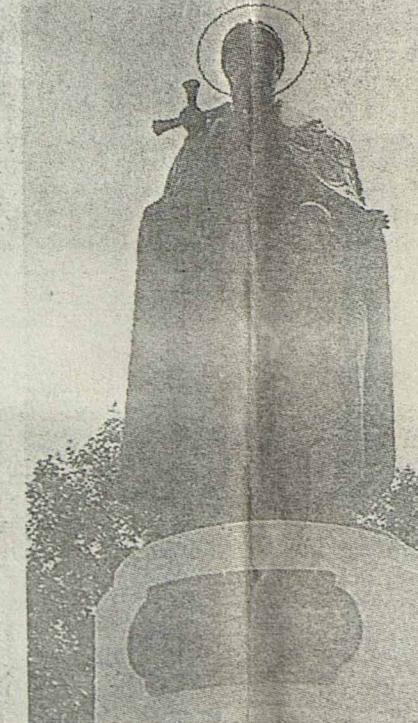
Между двумя скульпторами нет антагонизма. Просто они выбрали разные эпизоды из жизни Ольги

культурная политика

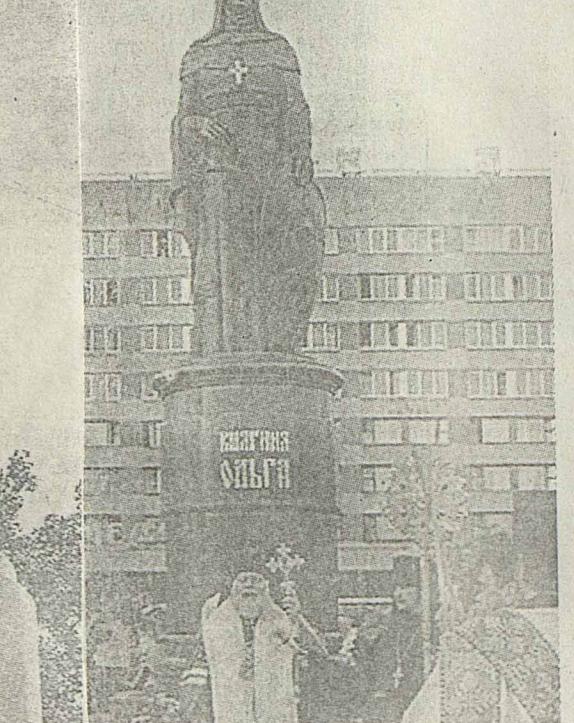
Во вторник в Пскове Зураб Церетели открыл памятник княгине Ольге. В среду памятник княгине Ольге же в Пскове же открыл скульптор Вячеслав Клыков. Два замечательных монумента открывал корреспондент „Ъ“ ГРИГОРИЙ РЕВЗИН.

Зураб Церетели пригласил меня открывать княгиню Ольгу вместе с собой. Я стеснялся, потому что, с одной стороны, многократно критиковал скульптуру Церетели, а с другой — с точки зрения журналистской этики должен был ехать не только с Церетели, но и с Клыковым. Но не разрываться же, к тому же Церетели отправлялся самолетом, а Клыков поездом. В общем, я решил побороть стеснение, а в случае, если памятник Клыкова окажется лучше, сразу честно об этом сказать. Или не сразу, а когда в Москву обратно прилечу.

Так я оказался в VIP-салоне частного самолета Як-40 вместе с Зурбом Константиновичем Церетели. Первое, что я спросил: «Как так получилось, Зураб Константинович, что в Пскове две Ольги открывают?» «Ждал, что ты спросишь, — хитро посмотрел на меня Церетели. — И так придумал сказать, что раньше десять Лениных в городе было, и все еще хотели. Хорошо придумал?» — «Очень. Но все таки?» — «Не знаю, как. Была комиссия празднования юбилея Пскова. Меня включили, как президента академии. На заседании меня Матвиенко попросила: вот, Зураб, есть у нас замысел. Ноденег нет. Не подарите? Я решил подарить. Губернатор очень хотел. Место выбрали с ним. А потом в одной газете смотрю фотомонтаж: на месте, где моя Ольга, Клыков свою ставит. Мэр города ему заказал. Такое отношение, что мне — подарок дари, а ему деньги платят, и еще на моем месте. Там у них мэр с губернатором немножко ссорятся, на мне сказалось». — «Вы за губернатора, а Клыков за мэра?» — «Нет, я за дружбу. Так и напиши: пусть все дружат. Так будет правильно». — «А где же поставили вашу Ольгу?» — «У гостиницы „Рижская“. Самая большая площадь». — «Это ж совсем на выезде!» — Да? Не знаю. Не очень хорошо знаю город».

У скульптора Клыкова княгиня Ольга — родительница (слева), у скульптора Церетели — воительница

Коммерсантъ. — 2003. — 24 июля. — С. 13.

Мы прилетели, и Зураб Константинович сразу отправился участвовать в юбилее. А я поскорее побежал смотреть Ольгу Клыкова, чтобы потом легче было сохранить объективность. Когда я увидел, что сделал Клыков, у меня немного от сердца отлегло. Нормально, думаю, до Москвы доеду. Вряд ли, думаю, Церетели хуже сделает.

Княгиню Клыков поставил действитель но на выигрышное место, прямо против Кремля, на горке, рядом с церковью Василия на горке. Но вот образ княгини Ольги у него сложный, я бы сказал трехуровневый.

Первый — символический. Княгиня у него не одна, а с внуком Владимиром в возрас-

те мальчика-дошкольника. И она его толкает вперед с иконой. То есть она женщина-матерь, точнее бабушка, а он будущий креститель. По пьедесталу Ольгу окружают русские святые, каку Опекушину на памятнике Екатерине Великой, а еще как в сцене вознесения Богоматери. Образно говоря, Ольга у него не столько сама по себе, сколько Владимирович, точнее Владимировича.

Второй — этнографический. Творческий метод скульптора Клыкова отличается несколько диковатой археологической научностью. Ольга задрапирована в характерные для западноевропейского средневековья одежды X века, разрисованные

разнообразными эмблемами и оберегами, птицами и крестами. Здесь, надо полагать, содержится намек на варяжское происхождение княгини. Однако же, будучи настоящим русским, Клыков придал этим романским орнаментам сходство с владимиро-судальской резьбой XII века, которые, как учит нас история искусства, тоже романские по происхождению, но сильно русифицированные, что точно соответствует идеи слияния варяжского и славянского этносов в становлении русской государственности. Но верная символическая, эта идея очень сомнительна пластически. Со спины княгиня в мощном плаще приобрела сильное сходство с западным пряслом Дмитровского собора во Владимире, а спереди — с апсидной частью того же собора, что для женщины излишне монументально. Одно дело — апсида, а другое — бабье пузо. При том, что лицо княгини опять же этнографически точно напоминает лики с Корсунских врат Софии Новгородской (выпученные глаза, короткий нос и очень круглые щеки, в коих исчезает подбородок), получается крайне дородная и неприятно агрессивная тетка. Такое ощущение, что в браке с князем Игорем она, травмированная бражничеством дружины и буйными мужинами операциями по сбору дани, очень раздалась и приобрела скандальный характер.

Наконец, третий уровень — сегодняшний, бытовой. Скульптор тончайше учтивал особенности освещения, а поскольку княгиня смотрит на север, то ее выражительный лик всегда темен. В связи с этим скульптор повернул ее лицом чуть на запад, чтобы вечернее солнце боковым светом сообщало некую мягкость ее неприятному лицу. В результате она, стоя против Кремля, смотрит, однако же, не на Кремль, а в универмаг, чем приобретает очень жизненное содержание. Довольно часто так бывает, что тетки ее возраста и комплекции, собравшись было свести пацана в Кремль Тамару, но это куда симпатичнее, чем диковатая физиономия клыковской Владимировичи.

бабушки, потому что восточным девичьим лицам помимо миловидности свойственна пусть внешняя, совершенно обманчивая, но мудрость и философичность.

Не совсем понятно, по какой причине, но на открытии памятника присутствовал геройский командующий ВДВ России Георгий Шпак. Он очень долго ничего не мог сказать, все собираясь и откладывая, Церетели тем временем вовсю осуществлял свою миссию дружбы («За мэра и за губернатора! За губернатора и за мэра!» — провозглашал он), и вдруг генерал Шпак все понял: «Я всегда считал: защищать родину — не женское дело. Но когда я увидел эту Ольгу, я понял, что это не так. Она могла бы защищать родину!»

Скульптору Церетели очень понравилась такая оценка, и он даже решил развить этот образ. Там за княгиней находится очень неказистый фонтан, и он решил его перестроить и украсить голубями. «Почему голубями?» — спросил я. «Символ ее, — ответил он — Помнишь, она голубей с огнем послала?» Он имел в виду эпизод, когда Ольга покляла древлян, послав им птиц с зажженным трутром в отместку за казнь князя Игоря. Так что эта девица с мечом дополнится еще и птицами с горящими ногами, что окончательно превратит ее в роковую девицу из фэнтези.

Насладившись Ольгой Церетели, я вновь вернулся к Ольге Клыкова и подумал, что, в сущности, действительно между двумя скульпторами нет такого антагонизма. Просто они выбрали разные эпизоды из жизни Ольги. Церетели — более симпатичный и ранний, а Клыков — более зрелый, когда она, уже отмахавшись мечом и приобретя известную дородность, стала больше думать о семье и хозяйстве. В целом получилось как бы ее скульптурное житие, которое очень приблизило судьбу Ольги к судьбе рядовой псковитянки. В общем, хочется согласиться со словами мэра города Михаила Хоронена. «Добре дело сделали скульпторы», — говорил он. — «Добре дело».